

бодою, чѣмъ бывшій желѣзный канцлеръ. Никто, даже самый высокопоставленный въ Германіи, ни при какихъ обстоятельствахъ, не осмѣлился бы сказать того, чтѣ вами высказано въ вышеприведенныхъ словахъ; и если вы могли въ Россіи безнаказанно, какъ кажется, это говорить и печатать, то этого иначе нельзя объяснить, какъ тѣмъ вполнѣ исключительнымъ положенiemъ, которымъ вы пользуетесь.

Само по себѣ это—прекрасная вещь. Благодаря этому, мы можемъ изъ устъ вашихъ слышать слова, при которыхъ наше лояльное сердце содрогается отъ ужаса, наше нелояльное сердце трепещетъ отъ восторга.

Но у медали другая, обратная сторона не столь радостна.

Въ предисловіи къ книгѣ о Дрожинѣ вы, между прочимъ, говорите: «Одно неразумно брошенное слово можетъ для самаго лучшаго человѣка послужить ис-